

УДК 903.59:94(571.56-37).03

Парные захоронения у якутов XVIII–XIX вв.: по материалам памятников Ыарыылаах и Тысагастаах в Верхоянском районе Якутии*

Н. С. Кирьянов

*Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Алтайский государственный университет*

Аннотация. На сегодняшний день двойные и коллективные (3 и более человек) захоронения у якутов XVIII–XIX вв. составляют наименьшее количество от общего числа памятников этого времени. В работе анализируются только парные захоронения, пять из которых зафиксированы в Центральной Якутии. Наибольшее внимание уделено двум памятникам – Ыарыылаах (погребение родных брата и сестры) и Тысагастаах (ребенка и женщины, не являющихся родственниками), обнаруженных экспедицией MAFSO в 2010 и 2012 гг. в Верхоянском районе Якутии. Исходя из полученных данных, можно заключить, что подобный обряд является нетипичным для традиционной погребальной практики якутов этого времени и связан в первую очередь с какими-то чрезвычайными обстоятельствами либо бедствиями массового характера.

Ключевые слова: Якутия, якуты, парные захоронения, петлеобразные гривны, кыбака симэхэ, Саха-французская археологическая экспедиция (MAFSO).

Введение

На сегодняшний день коллективные (в том числе, парные) захоронения у якутов периода XVIII–XIX вв. составляют наименьший процент от общего количества исследованных погребений. По имеющимся опубликованным данным в Якутии было раскопано всего семь парных, пять двойных ярусных и четыре коллективных¹ (по 3, 4 и 5 человек соответственно) захоронений этого времени в разных регионах республики [Бравина, Попов, 2008, с. 84–88; Мир древних якутов, 2012, с. 75, 138–144; Бравина, 2013, с. 5–9; Кирьянов, 2015, с. 32–36]. Необходимо отметить, что под парным погребением мы понимаем совместное расположение двух умерших в одной могильной яме

* Работа подготовлена в рамках совместного научного проекта России и Франции – Международной ассоциированной лаборатории «Эволюция природы и человека в Восточной Сибири» (COSIE 1029), объединяющей Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (г. Якутск), Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (г. Якутск), Университет III г. Тулузы им. Поля Сабатье (г. Тулуза, Франция), Национальный центр научных исследований (г. Париж, Франция).

¹ Коллективное захоронение XIX в. из трех человек *Ойогос Тумула 2*, раскопанное MAFSO в 2008 г. в Нюрбинском районе, не является якутским, а принадлежит представителям европеоидной народности (возможно, полякам) или их метисной группы [Crubézy, 2008, p. 108–113].

или гробу, что подразумевает в большей степени одноактность захоронения. Остальные погребения, в которых отмечается отдельное труположение одного субъекта непосредственно в могиле, а другого – в надмогильной постройке (т. е. располагающиеся друг над другом – ярусом), отражают «впускной», т. е. относительно поздний, характер совершения второго акта погребения по отношению к первому и в данной работе не рассматриваются.

К сожалению, все изучаемые ранее парные захоронения слабо документированы и не имеют в своем комплексе вещей и предметов, что затрудняет их окончательную интерпретацию. В этой связи памятники с парным обрядом захоронения и сопроводительным инвентарем Ыарыылаах и Тысагастаах², открытые в ходе работ международной Саха-французской археологической экспедиции (фр. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale, MAFSO) в Верхоянском районе РС(Я)³ в 2010 и 2012 гг., представляют значительный интерес [Бравина, 2013, с. 5–7]. К тому же это единственные пока объекты подобного рода, зафиксированные за пределами Центральной Якутии за Полярным кругом (севернее 66-й параллели).

Парные захоронения якутов в Центральной Якутии

Все известные к настоящему моменту по опубликованным данным парные захоронения якутов расположены в Центральной Якутии: в г. Якутске (Тыгынов курган), в Хангаласском (Кумахтаах Малтааны, Ат-Дабан III) и Усть-Алданском (Усун-Кюель, верховье речки Танда) районах РС(Я) (рис. 1). Как уже отмечалось, главной сложностью в их изучении являлось отсутствие выраженного материального комплекса самих памятников, а также то обстоятельство, что результаты их раскопок не получили должного отображения в отчетных документах, что не позволяет использовать эти данные в полной мере. В частности, погребение женщины и младенца на так называемом Тыгыновом кургане, вскрытое в 1941 г. сотрудниками Якутского республиканского музея, не содержало в себе ни фрагментов одежды, ни сопроводительного инвентаря, к тому же сами материалы и протоколы раскопок впоследствии были утеряны и не дошли до нас. В погребении Усун-Кюель, исследованном Р. И. Бравиной в конце 1970-х гг., где располагались женщина и мальчик в двух ящиках-гробах, покрытых берестой, тоже не отмечалось ни одежды, ни вещей, ни каких-либо украшений [Бравина, Попов, 2008, с. 85, табл. 3, № 43, № 164]. Раскопанное в начале 2000-х гг. MAFSO захоронение двух новорожденных в верховье р. Танда, в силу возраста погребенных также не содержало никакого вещественного комплекса [Мир древних якутов ... , 2012, с. 144]. Общим признаком указанных памятников является то, что умершие содержались в одной могильной яме, но в разных гробах.

² В англоязычных публикациях данные памятники фигурируют под названиями *Iera-laakh* и *Tysarastaakh* из-за неточной транскрипции, сделанной переводчиком [The ancient Yakuts ... , 2015; The genetics of kinship ... , 2016]. Также погребение Ыарыылаах ошибочно упоминается в статье Р. И. Бравиной как Ыаргалаах [2013] из-за схожести данного названия с близлежащим топонимом.

³ Республика Саха (Якутия)

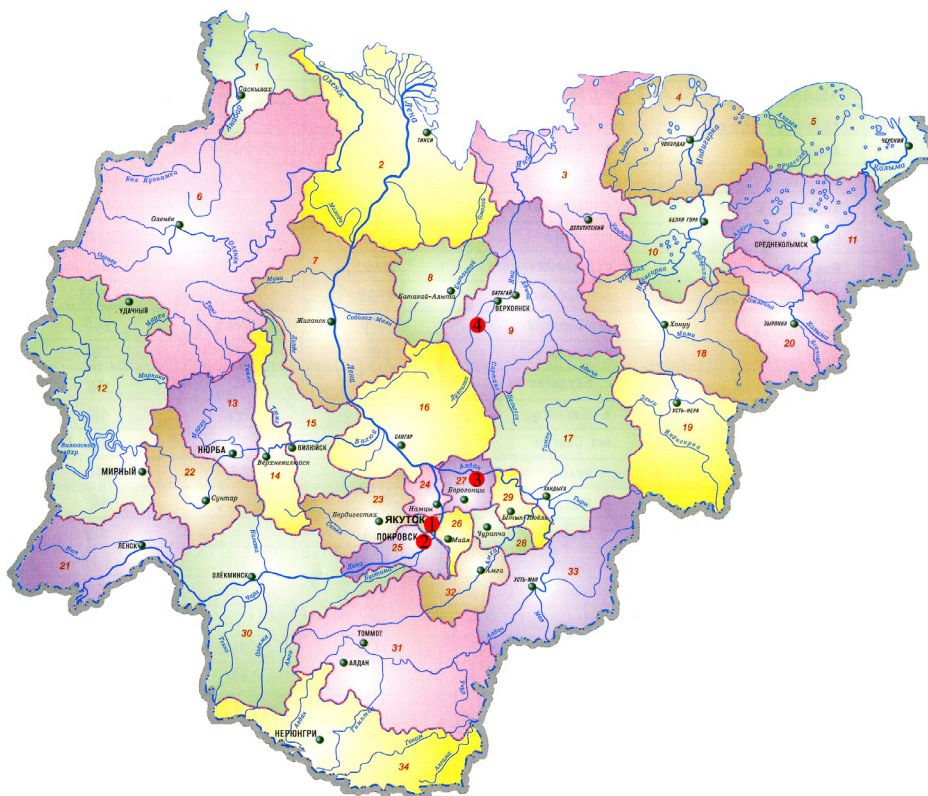

Рис. 1. Карта расположения парных захоронений XVIII–XIX вв. в Якутии (по состоянию на 2016 г.): 1 – Тыгынов курган (г. Якутск), 2 – Ат-Дабан III и Кумахтаах Малтааны (Хангаласский район), 3 – Усун-Кюель и Верховье р. Танда (Усть-Алданский район), 4 – Ырарылаах и Тысагастаах (Верхоянский район)

Вероятно, парным можно считать погребение в местности Кумахтаах Малтааны, изученное А. И. Гоголевым в 1977 г. в Жерском наслеге Хангаласского района: в правом отсеке сильно обгоревшего ящика-гроба (якут. *холбо*), разделенного продольной перегородкой, находился костяк мужчины, в левом же отсеке покойник отсутствовал. В самой могильной яме обнаружены редкие обгоревшие кости лошади, обломок человеческого черепа, а также один медный бубенчик от одежды, возможно, женской (?). Какие-либо дополнительные сопроводительные материалы в погребении не зафиксированы [Гоголев, 1980, с. 10].

Интересным объектом является памятник Ат-Дабан III⁴, расположенный в долине Эркэни, вблизи р. Улах, на участке между населенными пунктами Октёмцы и Улах-Ан, изученный МАФСО в 2002 г. Погребение пред-

⁴ В таблице «Датировки раннеякутских погребений», приведенной Р. И. Бравиной и В. М. Дьяконовым в их работе [2015], захоронение подростка с конем «Ат-Дабан» (или Ат-Дабанан), исследованное в 1996 г. Н. П. Прокопьевым и С. К. Колодезниковым, ошибочно именуется как «Ат-Дабан III» (см. фонды Музея археологии и этнографии СВФУ им. М. К. Аммосова, КП-2, 330/3) [Попов, Николаев, 2008, с. 204–205].

ставлено, как и в случае в Кумахтаах Малтааны, традиционным якутским ящиком-гробом *холбо*, разделенным продольной перегородкой на два отсека, в которых покоились двое мужчин, одетых в демисезонную одежду: взрослый мужчина располагался справа, юноша – слева. К сожалению, более содержательная информация о каких-либо деталях захоронения отсутствует [Мир древних якутов ... , 2012, с. 75, 142–144].

Таким образом, приходится констатировать, что имеющиеся в нашем распоряжении данные о парных погребениях, кроме самого факта их наличия, не дают представления о содержании обряда такого захоронения, о возможных причинах его возникновения, существовании каких-либо отличительных традиций, касающихся этого обряда и т. д. При этом имеются сведения, что не всегда погребенные находились между собой в тесных родственных связях: так, например, по заключению исследователей, новорожденные младенцы из одной могильной ямы в верховьях р. Танда не имели между собой никакого родства, а мужчины из захоронения Ат-Дабан III, несмотря на принадлежность к одной материнской линии, близкими родственниками, вероятно, все же не являлись [Мир древних якутов ... , 2012, с. 140, 144]. Такое обстоятельство усложняет интерпретацию парных погребений, не позволяя видеть в них только лишь семейную (кровнородственную) сторону. Также отсутствуют четкие данные о датировке имеющихся парных захоронений, но исследователи склоны их относить к периоду XVIII–XIX вв.

Парные захоронения якутов в Верхоянском районе РС(Я)

До начала работ экспедиции в 2010 г. позднесредневековая и новая история Верхоянского района, включающая в себя период якутского расселения в бассейне р. Яна, базировалась преимущественно на архивных, фольклорных и этнографических источниках [см. напр. Худяков, 1969; Серошевский, 1993; Казарян, 2003], конкретные же археологические памятники (в том числе, погребения) этого периода были практически неизвестны⁵. В ходе работ 2010–2012 гг. усилиями МАФСО было открыто и изучено два памятника с обрядом парного захоронения – Ыарыылаах в Арылахском наслеге и Тысагастаах в Дулгалахском наслеге района [Бравина, 2013, с. 5–7]. Несмотря на принадлежность к разным речным бассейнам (реки Сартанг и Дулгалах соответственно), данные объекты включены в общую территорию бывшего Юсальского рода (волости) (якут. *Дьуһаалааһ*) – одного из четырех групп-родоначальников янских якутов с XVII в. [Токарев, 1945, с. 393]. До советской реформы по районированию (1930 г.) земли Арылахского наслега входили в состав III Юсальского, а Дулгалахский – I Юсальского наслегов [Худяков, 1969, с. 272]. Между центрами двух современных наслегов – с. Бала и пос. Томтор – издавна существует дорога (зимник), обеспечивающая связь и общение местного населения. Сами же памятники удалены друг от друга всего на 40 км (рис. 2).

⁵ Исключение составляет одно воздушное захоронение (як. *арангас*) главы II Энгэсского наслега – Массааны, вскрытое сотрудником Якутского государственного краеведческого музея В. Ф. Яковлевым в 1960–70-е гг. [Бравина, Попов, 2008, с. 4–5, табл. 1, с. 282, прил. 2, № 42].

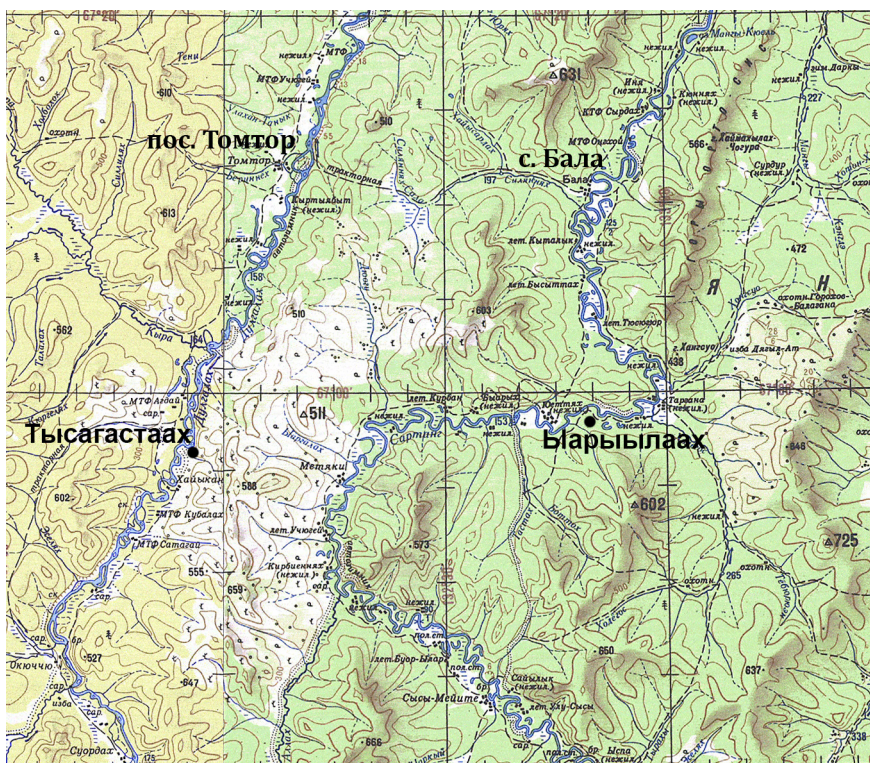

Рис. 2. Месторасположение двух парных захоронений в Верхоянском районе Якутии – Ыарыылаах (р. Сартанг) и Тысагастаах (р. Дулгалаах). Выкопировка с крупномасштабной топографической карты (М 1:500 000)

Единство территории обуславливает схожесть ландшафта – оба памятника приурочены к низким заболачиваемым поймам рек, здесь же располагаются участки, пригодные для регулярного выпаса скота, которые в советское время использовались под КТФ и МТФ⁶. Еще одной общей характеристикой объектов служит отсутствие в обоих случаях сохранившихся надмогильных построек (выражены лишь их прямоугольные контуры).

Памятник Ыарыылаах

Погребение расположено на территории старого погоста, удаленного на 4,5 км к юго-западу от бывшей МТФ «Тарганá», используемой сегодня местными жителями в качестве летника (якут. *сайлык*), на правом берегу р. Сартанг на 119 км от устья. Название местности (якут. *ыарыы* – болезнь) дословно переводится как «зараженное» или «болезненное», т. е. место, где болят либо болели, умирали от болезней (как вариант – «гиблое» место) [Пекарский, 1959, стлб. 3748].

В процессе раскопок на глубине 46 см от дневной поверхности выявлено совместное захоронение юной девушки (14–17 лет) и мальчика-

⁶ КТФ – конно-товарная ферма, МТФ – молочно-товарная ферма.

подростка (10–13 лет), покоящихся в общем гробу типа традиционного якутского *холбó*, сложенным из толстых лиственничных плах ($l = 148$ см, $b = 103$ см, $h = 32$ см) и разделенном на два отсека продольной перегородкой [Бравина, 2013, рис. 1; The genetics of kinship ... , 2016, fig. 4] (рис. 3). Костяк девушки длиной 140 см расположен в правом отсеке, а мальчика, длиной 128 см – в левом. Оба костяка ориентированы головами на север, лицом обращены к западу, тела покоятся на спине, руки согнуты в локтях и изначально лежали на поясе (при этом левая кисть девушки затянута под подпружную пряжку бисерного пояса), ноги чуть подогнуты и упираются в южную стенку гроба. В ногах размещена деревянная погребальная посуда: у мальчика расколотый традиционный якутский кубок *чорóн* с резным орнаментом на вставной конусной ножке (h кубка = 23 см, d тулова = 13,5 см) (рис. 5, 1), у девушки простая долбленная традиционная якутская чаша наподобие пиалы – *кытыйá* (h чаши = 7 см, d венчиковой части = 17 см) (рис. 5, 11), а также железный нож в рукояти из капа березы (l ножа = 26 см, l клинка = 15 см) (рис. 5, 10), причем любопытно, что ее сопроводительный инвентарь отгорожен от костяка дополнительной деревянной перегородкой [Кирьянов, 2011, с. 22–29, 66–70].

Рис. 3. Ыарыылаах, парное захоронение родных брата и сестры: мальчика 10–13 лет и молодой девушки 14–17 лет [Бравина, 2013, рис. 1; The genetics of kinship ... , 2016, fig. 4]

В процессе работ отмечено отсутствие какого-либо покрытия крышки гроба (берестой или кожаным покрывалом), а также то обстоятельство, что внутреннее пространство обеих секций было заполнено землей, вероятно, из-за проседания крышки и активной землеройной деятельности грызунов (сусликов). При расчистке выяснилось, что одежда мальчика не сохранилась, хотя сложенная меховая жеребьячья шкура, положенная под его голову, выражена отчетливо; также обнаружено одно медное кольцо от натазника и несколько бусин. В то же время большая часть деталей одежды и украшений девушки фиксируется достаточно хорошо.

Несмотря на определенную фрагментарность остатков ее одежды, можно уверенно заключить, что она была облачена в традиционный зимний наряд: классический якутский женский головной убор – шапка *чомпóй*; шубу (ближе по фасону к демисезонному пальто), отороченную соболиным мехом до колен (якут. *халтанг хомусуол сон*), под которой находилось короткое летнее платье (или, возможно, нательная рубашка до колен) из ровдуги (?). Натазники (шорты) (якут. *сыалдьы*) являлись парадными зимними, выделанными из обработанной жеребьячьей шкуры (вроде замши) и расшитыми с задней стороны геометрическим орнаментом из разноцветных бусин и бисера (преимущественно, белых и синих). Набедренные украшения (якут. *эттюк симэхэ*) представлены пронизанными на ровдужные шнурки разноцветными бусинами, перевитыми в срединной части берестой и увенчанными на концах одним медным двойным литым кольцом, всего четыре экземпляра по два на каждую сторону. Ноговицы (якут. *сутуруо*) выделаны из обработанной шкуры и расшиты бисером, обувь (як. *саары этэрбэс*, т. е. торбаза) – из дублированной конской кожи, без декорирования.

Поверх натазников одевалось особенное украшение – *кыабакá симэхэ* (якут. досл. – украшение лобковой части тела) [Пекарский, 1959, стлб. 1351], включающее в себя кожаный пояс шириной 5,5 см (с медной застежкой-фибулой вытянутой ромбической формы), расшитый бисером черного, белого и голубого цветов и одекуем белого цвета (рис. 5, 13). С нижней части пояса свисают шесть цепочек, состоящие каждая из последовательно идущих двух рядов из трех крупных бусин – двух белого и одного черного цветов (всего шесть) (d бусины = 1,0–1,1 см), ниже идут четыре плоские литые медные ажурные пластинки (l пластинки = 2,9 см, b = 1,4 см), соединенные между собой кожаными шнурками и заканчивающиеся в пяти случаях подвеской подтреугольной формы с шестью сквозными отверстиями и пятью петлеобразными изгибами в основании подвески (l подвески = 3 см, b основания = 3 см). И только на одной цепочке нижняя подвеска отличная от остальных – лировидная, с пятью круглыми сквозными отверстиями и четырьмя треугольными выступами в основании (l = 3,2 см, b основания = 2,4 см) [Кириянов, 2011, с. 68–69].

Украшения девушки представлены парой ушных серег (якут. *ытарга*) и плоской шейной медной гривной (якут. *кылджы*): серьги имеют форму знака вопроса с нанизанными на проволочную основу чередующимися тремя белыми бусинами и двумя медными пронизками, причем одна серьга замет-

но больше другой ($l-1 = 5,2$ см, $l-2 = 6,1$ см) (рис. 5, 4, 5). В основном они типичны для большинства якутских женских захоронений XVII–XVIII вв. и считаются наиболее архаичными. Данная гривна, по классификации И. В. Константинова и А. И. Саввинова, относится к третьему типу (пластинчатых), выполнена методом листовой чеканки, имеет орнамент на лицевой стороне (s листа = 0,3 см, d обруча = 21 см) (рис. 5, 2). Именно такие гривны в XIX в. становятся неотъемлемой частью главного традиционного якутского женского украшения – *илин-кэлин кэбиһэр* (с якут. – нагрудно-наспинное украшение) и в качестве самостоятельного атрибута в Центральной Якутии использовались уже редко [Константинов, 1971, с. 77–82; Саввинов, 2001, с. 33–39, 44–46].

Рис. 4. Тысагастаах, парное захоронение ребенка 4–5 лет и взрослой женщины, не являющихся родственниками

Рис. 5. Вещи и украшения из погребений Барыылаах (Ы) и Тысагастаах (Т):
 1 – чорон для кумыса на вставной конусной ножке в двух проекциях (а – снаружи, б – изнутри) (Ы); 2 – пластинчатая шейная гривна (Ы); 3 – петлеобразная гривна с четырьмя изгибами (Т); 4, 5 – ушные серьги (Ы); 6–9 – ушные серьги (Т); 10 – нож в рукояти (Ы); 11 – кытыйа (Ы); 12 – кытыйа (Т); 13 – украшение «кыбака симэхэ» (Ы); 14 – украшение «кыбака симэхэ» [без масштаба] (Т)

Отсутствие в могильном заполнении углей говорит о том, что процесс погребения происходил в летне-осенний период, при этом лиственница, из которой были сделаны части могильной конструкции, по всей видимости, была заготовлена зимой: на месте продольного распила просматривается характерно ровная структура, без волнистости [см.: Степанов, 2007]. Добротная сработанность плах позволяет сделать вывод, что процесс изготовления гроба был неспешным либо выполнялся опытным мастером. Прочность конструкции получена в результате плотной подгонки концов плах в подготовленные пазы, сам гроб собирали непосредственно в яме. При этом отдельные огрехи все же имелись: зазор между крышкой и западной боковой стенкой прикрыли дополнительной плашкой, также для придания большей устойчивости поставили еще один пикет с юго-восточной стороны к двум имеющимся. Вмещающая сухая супесчаная почва обеспечила достаточно

приемлемую сохранность захоронения, поэтому в этой связи становится не совсем ясным отсутствие хоть каких-либо деталей одежды мальчика на фоне заметно различаемых элементов в наряде девушки.

В отличие от вышеупомянутых памятников, где погребенные совсем не являлись друг другу родственниками («Верховье речки Танда») или могли быть ими с низкой степенью вероятности («Ат-Дабан III»), в настоящем случае исследователями установлено, что девушка и мальчик приходятся друг другу родными сестрой и братом [The genetics of kinship ... , 2016, p. 58]. Точная причина смерти не ясна, никаких травм, увечий, переломов и иных явных воздействий внешнего характера, как и различных признаков туберкулеза не зафиксировано [Кирьянов, 2011, с. 31].

Надо отметить, что анализ сохранившихся мягких тканей в паховой области показал, что погребенная девушкой являлась девственницей [Crubézy, 2010, p. 122], на что дополнительно указывает и ее украшение *кыабака симэхэ*, относящееся к наиболее уникальным. Подобный наряд одевался невестой перед приходом в дом будущего мужа, символизируя девственную чистоту избранницы, ее здоровья (в более узком смысле – оберегал лоно девушки, женщины от вмешательства злых духов) [Слепцов, 1989, с. 36]. Подобные украшения отсутствуют у других соседствующих народов Сибири, хотя им была известна идея украшать натазники бисером, бусами или ровдужной бахромой [Пекарский, 1959, стлб. 1351; Константинов, 1971, с. 70–71; Саввинов, 2001, с. 59–61].

Памятник Тысагастаах

Погребение расположено в 3 км к северу от современной коневодческой базы «Кубалаах» («Кубалах»), на правом берегу р. Дулгалаах (180 км от устья) и приурочено к его притоку – ныне высохшему ручью Урдюк-Артык. Этимология местности связана с якутским понятием *«тысагас»* – так называют молодняк крупного рогатого скота обоих полов в возрасте одного-двух лет [Пекарский, 1959, стлб. 2961], что, вероятно, связано с хозяйственной деятельностью местного населения.

На глубине 70 см от уровня дневной поверхности выявлено совместное захоронение ребенка 4–5 лет и женщины (возраст не установлен в силу плохой сохранности костяка) в двойном гробу (якут. *тэбиэх*): внешняя гробовина сложена из двусторонне тесаных листовенных плах ($l = 221$ см, $b = 80–90$ см, $h =$ около 40 см) и скреплена по центру поперечной плахой со сквозными отверстиями по краям, которые насажены на стоящие по краям пикеты, образуя своеобразный замок. Внутри гробовины находится ящик-гроб типа *холбо*, который также изготовлен из плах ($l = 196$ см, $b = 61–72$ см, $h =$ около 30 см) и тоже скреплен уже двумя поперечными плахами – замками, вставленными отверстиями на вертикально стоящие пикеты. Эти конструктивные особенности заметно напоминают традиционные захоронения воздушного типа, называемые по-якутски *арангасы*, т. е. могильные лабазы на столбах или деревьях [Пекарский, 1959, стлб. 189], в которых практически всегда присутствуют аналогичные крепежные элементы, как,

например, специальные четырехугольные рамы из параллельных брусьев для устойчивости гроба на поверхности [Бравина, Попов, 2008, с. 74–76].

При снятии крышки гроба выяснилось, что все внутрикамерное пространство заполнено сплошным льдом, поэтому потребовалось время для расчистки. В ходе работ отмечена плохая сохранность как самих останков погребенных, так и сопроводительного материала – предметов и фрагментов одежды (рис. 4). Костяк женщины длиной 144 см расположен справа, а ребенка, длиной 98 см, – слева. Оба ориентированы головами на запад, тела покоятся на спине, руки чуть согнуты в локтях, кисти рук расположены на поясе или бедрах, левая нога женщины вытянута, а правая согнута в колене. Вероятно, оба умерших были положены на подстилку из лошадиной (?) шкуры, так как отмечены отдельные ее обрывки. У темени обоих костяков обнаружены круглые серебряные пластины ($d_1 = 12,2$ см, $d_2 = 8,9$ см) с припаянными медными кружочками в центре и парными отверстиями по краям для пришивки – *туосáхта* (якут. досл. – белое пятно на лбу животного) [Пекарский, 1959, стлб. 2830], которые часто являются составной частью головного убора, нашиваемой обыкновенно на лобную часть и выполняющей функцию украшения-оберега [Гаврильева, 1998, с. 20].

Тело ребенка было завернуто в продыmlенную кожу (вероятно, конскую). При этом каких-либо деталей, фрагментов его одежды или украшений не зафиксировано, за исключением нескольких бусин. В ногах ребенка располагалась чаша *кытыйа* (h чаши = 3,5 см, d венчиковой части = 22 см), с нанесенным по краю арочным орнаментом (рис. 5, 12), а также 6 конских ребер (по-видимому, остатки тризны) [Бравина, 2013, с. 7].

Головной убор, судя по сохранившимся фрагментам, представлен меховой шапкой (к сожалению, состав меха не определен) чепчиковидного покроя с рожками (якут. *муостax бэрэһэ*), которыми обычно украшались праздничные и обрядовые экземпляры [Гаврильева, 1998, с. 20–21]. Сама покойная была облачена в соболиную шубу до колен мехом наружу (якут. *сангыах*), полы которой дополнительно оторочены мехом и обшиты бусинами и бисером, без ворота, с запахом слева направо, с пуговицами из трех крупных бусин. Под шубой – ровдужное пальто до колен (якут. *сон*) с разрезами по бокам и оторочкой полов бисерной вышивкой [Бравина, 2013, с. 6]. Пальто подпоясывалось кожаным поясом с медной пряжкой подпрямоугольной формы с язычком. Дополнительным украшением пальто (*еттюк симэхэ*) служили семь медных литых подвесок треугольной формы, каждая с пятнадцатью сквозными отверстиями и восемью петлеобразными изгибами внизу (l подвески = 6 см, b основания = 5,8 см). Они крепились по краям одежды с помощью кожаных шнурков с нанизанными на них бусинами черного и голубого цветов. Дополнительно к этому, вероятно, добавлялась ажурная медная пластина вытянуто-овальной формы с ромбовидным отверстием в центре ($l = 5,4$ см, $b = 4,5$ см). Аналогичные же подвески зафиксированы И. В. Константиновым в женском погребении в местности Ампаардаах в Мегино-Кангаласском районе в качестве украшения нарядной шубы [Константинов, 1971, с. 205, табл. XIX, 2, 3].

Натазники (*сыалды*) были изготовлены из обработанной конской шкуры, ноговицы (*сутуруо*) состояли из двух частей: верхней – конской шкуры мехом наружу, и нижней – обработанной; обувь (торбаза) из обработанной конской кожи без декорирования. Натазники сохранились частично: отмечены лишь три медных кольца, пришитые к нижним краям раструбов для подвязывания ноговиц, сами же ноговицы в нижней части украшены вертикальной узкой полоской бисера (характер орнамента не ясен).

Украшение *кыбака симэхэ* представлено кожаным поясом шириной около 5–6 см, вышитым бисером голубого, черного, белого цветов и одекуем голубого цвета, с нижнего края которого свисает 18 металлических цепочек разного состава и длины (рис. 5, 14). К сожалению, оно сохранилось очень плохо, тем не менее можно предположить, что центральная часть украшения состоит из 4 цепочек, из которых звеньями в каждой являются четыре (в одном случае – три) ажурные литые медные пластинки (размер одной пластинки – 2×3 см), соединенные между собой кожаными шнурками и увенчанные на конце четырьмя медными ажурными кольцами. Цепочки остальной части украшения (12 шт.) характеризуются последовательностью двух аналогичных ажурных пластинок, также соединенных между собой кожаными шнурками, где к каждой нижней пластинке прикреплены сразу два попарно идущих ряда двух отдельных спаек, состоящих из трех медных колечек каждая (l спайки = около 3 см, $b = 1,1$ см, d одного колечка = 0,5 см). Данные спайки в отдельных случаях скреплены между собой кожаными шнурками, горизонтально продетыми в соседние отверстия [Бравина, 2013, рис. 6].

Из предметов отмечаются шейная гривна, серьги, нож, а также коготь хищной птицы на кожаном шнурке, обнаруженный у подбородка, служащий, вероятно, оберегом (по современным представлениям, вылечивающим от кожных болезней). Гривна изготовлена из перекрученного медного дрота круглого сечения и имеет с передней части четыре петлеобразных изгиба, образующих каплевидные отверстия (рис. 5, 3). Концы гривны загнуты наружу в небольшие петельки, для завязки (s дрота = 0,7 см, d обруча = 19 см) [Бравина, 2013, рис. 4]. Подобные гривны имеют значительный интерес, однако среди специалистов так и нет общего мнения об их датировке и происхождении [Дьяконова, 1958, с. 179–186; Константинов, 1971, с. 77–80; Саввинов, 2001, с. 44–46; Савинов, 2013, с. 64, рис. III].

Серьги представлены четырьмя типичными экземплярами в виде «знака вопроса» разной величины: одна миниатюрная ($l = 2,7$ см) с одной белой бусиной ($d = 0,7$ см), одна – средней ($l =$ около 4,5 см) с одной белой и двумя черными бусинами ($d = 1–1,2$ см), и две – одинаковой длины ($l = 8,2$ см) с четырьмя белыми и тремя черными бусинами ($d = 1,0–1,2$ см) [Бравина, 2013, рис. 3]. Возле правого уха лежали «длинная» и «средняя» (рис. 5, 7, 8), возле левого – «длинная» и «миниатюрная» (рис. 5, 6, 9). Слева от женщины в районе поясницы зафиксирован нож (l ножа = 15 см, l клинка = 10 см) в кожаных ножнах с декором из бисера, к сожалению, сохранившихся фрагментарно.

Предположение, что погребенные в силу своего возраста могли приходиться друг другу матерью и ребенком, не подтвердилось. Как показали ге-

нетические исследования, вероятность этого очень низка [The ancient Yakuts ... , 2015, p. 4, 6], что, конечно же, вызывает более пристальный интерес и дискуссию касательно причины такого совместного захоронения. Явные обстоятельства смерти женщины и ребенка не установлены.

Анализ и обсуждение

В настоящее время имеющихся данных по парным захоронениям у якутов явно недостаточно, чтобы делать какие-то определенные выводы или заключения об этом обряде, поэтому мы лишь подведем промежуточный итог их изучения. Статистический подсчет исследованных якутских погребений показывает, что коллективный обряд захоронения (в том числе и парный), видимо, не являлся типичным для большинства населения и применялся в исключительном порядке, связанном с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Поэтому пока можно говорить о преимущественно персональном характере погребального комплекса у якутов, когда каждому усопшему отводилось его конкретное место и предназначался соответствующий его социальному положению обряд захоронения. Косвенно это подтверждают и другие материалы, как, например, известные на сегодняшний день воздушные захоронения – арангасы, которые все без исключения являются индивидуальными, так и наиболее ранние якутские грунтовые погребения XIV–XVII вв. [Бравина, Попов, 2008, с. 274–284; Мир древних якутов ... , 2012, с. 66–69; Бравина, Дьяконов, 2015, 27–28]. Известный у якутов обряд захоронения человека с конем, судя по раскопкам таких памятников, только в одном случае сопровождался их совместным положением в могильной яме (в местности Эмис Усть-Таттинского наслега Таттинского района Якутии) [Попов, Николаев, 2008, с. 206], обычно же они располагались друг от друга на некотором отдалении.

Важным аспектом является то, что из семи парных захоронений близкое родство доказано только для одного памятника (Ыларыылаах), во всех остальных такая связь или вовсе отсутствует, или маловероятна. Из коллективных захоронений доказательное родство погребенных по материнской линии установлено тоже только для одного объекта – Шаманское дерево I (или Охтобут) [Мир древних якутов ... , 2012, с. 102–105]; по двойным ярусным такие исследования не проводились. Повторимся, что пока этих данных недостаточно, чтобы делать какие-то выводы, потому что все они могут оказаться частными случаями. Но сам факт нахождения в одном гробу или яме людей, не связанных друг с другом близкими кровными узами, свидетельствует, на наш взгляд, о сохранении в период совершения погребения пережитков (традиций) патриархального рода – *аба ууһа* (с якут. – отцовский род) или *ийэ-ууһа* (материнский род), как в случае с Ат-Дабан III, который представлял собой группу родственных семей, объединенную экзогамным запретом до девятого колена, т. е. имевших в отдаленное время единого предка [Якуты (Саха) ... , 2013, с. 88–90]. «Хотя и одного происхождения, но не родственники по крови и телу» [Серошевский, 1993, с. 419]. Вероятно, еще до конца XVII в. такое «родство по памяти» было достаточно ощути-

мым и играло определенную роль во взаимоотношениях, но уже в XVIII–XIX вв. ведущее положение социально-экономической ячейки общества стала занимать форма малой семьи, когда контакты с дальними родственниками практически сошли на нет [Слепцов, 1989, с. 59–64], однако в рамках погребальных церемоний такого полного отчуждения не произошло.

Немногочисленный сопроводительный материал раскопанных объектов, простота могильных конструкций, преимущественное отсутствие какого-либо покрытия крышек гробов, типичный набор украшений и нарядный состав одежды говорят о том, что такие комплексы присущи людям скорее среднего достатка, который допустимо сравнить с III классом (из пяти) по классификации экономического положения верхоянских якутов конца XIX в., разработанной С. Ф. Коваликом [Ковалик, 1895], когда погребальная атрибутика сопровождалась наличием только самого необходимого. Люди более низкого социального уровня жизни (I–II класс) подобных украшений и вещей себе позволить не могли.

Судя по имеющимся материалам, наиболее характерным могильным сооружением якутского парного захоронения является самый распространенный тип – ящик-гроб типа *холбо* без дополнительного покрытия крышки гроба с продольной перегородкой внутри. Полагаем, что подобные памятники будут открываться и впредь. По замечанию Р. И. Бравинной, подобные конструкции с продольными и поперечными перегородками являются наследием хуннского влияния [Бравина, 2011, с. 422–423].

Наибольший интерес вызывает могильная постройка в погребении Тысагастаах, где гроб и гробовина скреплены поперечными плахами, продетыми через сквозные отверстия на вертикально стоящие пикеты, установленными по краям, что заметно сближает с их арангасами. Как показывают раскопки МАФСО последних лет, такие конструкции – ящик-гроб, дополнительно скрепленный одним-двумя «замками», состоящими из одной перегородки и двух вертикальных пикетов, встречаются пока только на северо-востоке республики в Верхоянском (памятники Бахта́х, Курана́х, Сордонго́х) и Оймяконском (Ому́к Унуо́га) районах [Срубéзу, 2011, р. 56–68, 79–84, 120–134; Кирьянов, 2016, с. 174]. В Центральной Якутии и вилюйской группе районов они пока неизвестны [Константинов, 1971, с. 26–27; Бравина, Попов, 2008, с. 61–72; Мир древних якутов ... , 2012, с. 66–73]. В этом, вероятно, можно усматривать влияние воздушной формы захоронения на грунтовую в результате преобладания первой над второй, потому что никакого практического значения дополнительно скреплять гроб в яме подобными «замками» нет. Из чего можно заключить, что захоронения в арангасах долгое время являлись на севере Якутии (по крайней мере, на отдельных ее территориях) единственным либо ведущим способом погребения.

Достаточно важным аспектом является нахождение в обоих погребениях шейных гривен и украшений *кыбака симэхэ* в силу того, что данные изделия уникальны (подобные вещи отсутствуют у других народов Сибири). Несмотря на широкий интерес к ним со стороны ведущих исследователей, занимающихся этнической историей и бытом якутов (Р. К. Маак,

В. Л. Серошевский, Е. Д. Стрелов, И. Д. Новгородов, М. М. Носов, В. П. Дьяконова, И. В. Константинов, А. И. Гоголев, Р. И. Бравина, А. И. Савинов, С. И. Петрова и др.), до сих пор нет единого мнения по поводу их происхождения. В особенности это касается дротовых гривен с петлеобразными изгибами, аналогичных найденной в погребении Тысагастаах. Дискуссии по ним ведутся давно, но, к сожалению, новые материалы пока не проясняют смысл и назначение их особенного облика. Спорным моментом является вопрос о датировке данных предметов: считать ли их наиболее «архаичным» элементом якутской культуры, т. е. возникшим в дорусский период [Дьяконова, 1958, с. 179–186; Савинов, 2013, с. 64, рис. III], или же их своеобразная форма появилась в обозримом прошлом, не имея никакой исторической подоплеки [Константинов, 1971, с. 78–79]?

Имеющиеся на сегодняшний день факты свидетельствуют, что дротовые гривны с петлеобразными изгибами (тремя, четыремя и пятью), подобно найденной в погребении Тысагастаах, отмечаются главным образом в женских захоронениях XVIII в. (единственное взрослое мужское захоронение XVII в. с петлеобразной гривной исследовано З. В. Гоголевым в 1950 г.). Видимо, в этот период они и получают свое широкое распространение в Якутии [Бравина, Попов, 2008, с. 108–111, 118]. В материалах наиболее ранних якутских погребений XIV–XVII вв. они не встречаются [Бравина, Дьяконов, 2015, с. 30], так же как и на поселениях кулун-атахской скотоводческой культуры XIV–XVI вв. [Гоголев, 1993, с. 100–111]. Отсутствуют подобные украшения и в погребальных комплексах усть-талькинской археологической культуры Прибайкалья XII–XIV вв., с которыми исследователи связывают начало этнической истории якутского народа [Николаев, 2004].

Единственный, но довольно противоречивый пример – это захоронение мальчика-подростка в местности Ат-Дабан (по Р. И. Бравиной – Ат-Быран) Хангаласского района Центральной Якутии, раскопанное Н. П. Прокопьевым и С. К. Колодезниковым в 1996 г., где ими зафиксирована одна миниатюрная дротовая гривна с одним петлеобразным изгибом [Прокопьева, Яковлева, 2016, с. 186–191]. Предлагаемый ими возраст памятника (XVIII в.) был установлен сравнительно-типологическим методом, и именно эта датировка указывается в отдельных работах [Генетическая история ... , 2015, с. 42, 68–70, табл. 2.3]. Впоследствии, в 2000-х гг., В. В. Поповым буквально в метре от подростка было раскопано погребение коня, которое, как считает исследователь, связано с подростком и датировано по кости лошади концом XV – началом XVI в. [Попов, Николаев, 2008, с. 204–205]. Р. И. Бравина и В. М. Дьяконов в своей работе приводят другую калибровку этой даты – XIII–XV вв. [2015, с. 28]. При этом радиоуглеродная датировка костей человека не проводилась.

В настоящий момент также нет оснований считать подобные гривны изделиями импортного (т. е. неякутского) происхождения – по имеющимся опубликованным данным, они никогда не являлись предметами торга, обмена или сбыта между русской администрацией и местным населением в XVII–XVIII вв., как, например, бисер или медные котлы [Токарев, 1945,

с. 80–90; Сафронов, 1980, с. 76–134; Башарин, 2003, с. 74–100; Мир древних якутов ... , 2012, с. 147–162].

Такое же неоднозначное положение занимают и украшения *кыбака симэхэ*, конкретный исторический прототип которых улавливается крайне смутно. И если назначение украшения вполне очевидно, то вопрос о причинах возникновения такого специфического облика до сих пор оставляется исследователями открытым [Константинов, 1971, с. 70–71; Слепцов, 1989, с. 36; Гоголев, 1993, с. 109; Гаврильева, 1998, с. 64–65; Саввинов, 2001, с. 59–61; Носов, 2010, с. 56–57; Яковлева, 2011, с. 45, 55, 92]. Единственное, на что пока можно указать, что подобная традиция оберегать фертильный возраст женщины украшениями или подвесками присуща тюркским народам Саяно-Алтая: так, классический хакасский нагрудник *погó*, по заключению некоторых исследователей, носился беременными женщинами до XIX в. на уровне пояса [Москвина, 2013, с. 85]. Охранительная функция металла как защиты детородной функции женщины в XIX в. бытовала у туркмен, например, украшение *чапраз чанга* [По серебряным следам ... , 2016, с. 6–7, 62].

Таким образом, исходя из имеющихся данных, облик таких женских украшений, как шейная гривна с петлеобразными изгибами и *кыбака симэхэ*, можно пока считать сугубо якутским, специфическим, появившимся, вероятно, не в столь отдаленное время (до момента вхождения Якутии в состав Русского государства). В случае, если их прообразы (аналоги, прототипы) будут отмечены в памятниках дорусского этапа, то это будет означать сохранение у якутов (предков якутов) определенных пережиточных традиций, которые не нашли отражения у других народов Сибири. Наличие подобных в совокупности специфических вещей в женских (и отчасти в мужских) погребениях, на наш взгляд, может указывать на приверженность погребенных к традиционной якутской культуре, несмотря на их возможно отличную (неякутскую) этническую принадлежность.

По совокупности признаков (типа могильной конструкции, отсутствия покрытия крышки гроба, предметного состава сопроводительных вещей, облика одежды и украшений) погребение Тысагастаах можно датировать XVIII в., Ыларылаах – рубежом XVIII и XIX в. Однако мы не исключаем их возможного хронологически параллельного сосуществования, в силу того, что различный состав вещей и типов могильных сооружений могли быть связаны исключительно с неравномерными возможностями и условиями проживания отдельных родов и семей.

Главным моментом для погребений с обрядом парного захоронения является установление причины смерти, которая во многом объясняет само содержание и аспекты такого обряда. В обоих случаях такие явные (наглядные) причины в самих погребениях отсутствуют, точнее, отсутствуют доказательные свидетельства, которые могли бы их подтвердить. Но обращаясь к источникам и сопоставляя их с предложенными нами датировками, мы связываем памятники с событиями 1773–1776 гг., когда в Верхоянском округе свирепствовала эпидемия оспы, и массовым голодом на севере Якутии в 1812–1818 гг. [Задонина, Леви, 2008, с. 213, 232].

Заключение

Имеющиеся на сегодняшний день материалы парных захоронений позволяют говорить о них, как о неординарном способе погребения якутов, связанном в первую очередь с какими-то трагическими обстоятельствами (эпидемия, голод, болезни). Общность трагической судьбы, как правило, преваляровала над родовыми или семейными традициями, что выражалось в захоронении двух неродственных лиц в одном гробу по одному обряду (даже несмотря на значительную разницу в возрасте и, возможно, социальном статусе). Какой-либо закономерности в размещении тел (кто располагался слева, кто справа) внутри общего гроба не наблюдается. Характер и облик женских одежд и украшений говорят о средней степени зажиточности их носителей. При этом обнаруженные вещи и предметы полностью аналогичны изделиям из Центральной Якутии и заметных отличий не имеют.

Конструктивные особенности могильных сооружений парных захоронений повторяют строительные каноны привычных «одноместных» могильных построек и не имеют существенных отличительных признаков, за исключением продольной перегородки. При этом для северо-восточных районов Якутии (Верхоянского, Оймяконского) следует отметить наличие особенного типа, условно называемого нами «ящик-гроб с замком (или замками)», повторяющего или имитирующего конструкцию типа воздушного захоронения – арангаса. В Центральной Якутии и вилюйской группе районов такие типы гробов не отмечаются, что свидетельствует об устоявшейся практике воздушного захоронения на севере.

Отсутствие в известных нам фольклорных и архивных источниках описания или упоминания особого обряда парного или коллективного захоронения еще раз подтверждает его исключительность и конкретную взаимосвязь с обстоятельствами чрезвычайного характера. Полагаем, что в будущем при обнаружении памятников подобного рода причины их возникновения следует увязывать с какими-либо коллективными бедствиями.

Благодарности

Автор благодарит руководителей совместного научного проекта России и Франции, Международной ассоциированной лаборатории «Эволюция природы и человека в Восточной Сибири» (COSIE 1029), д-ра медицины, профессора, директора лаборатории AMIS Университета III г. Тулузы им. Поля Сабатье Э. Крюбези и д-ра ист. наук, профессора, директора ИГиПМНС СО РАН А. Н. Алексеева, координатора проекта, д-ра филол. наук, профессора О. А. Мельничук за возможность расширенной публикации материалов памятников Верхоянского района. Также автор глубоко признателен зав. сектором археологии ИГиПМНС СО РАН, д-ру ист. наук, профессору Р. И. Бравиной за предоставление дополнительных данных по погребению Тысагастаах и возможность их использования в настоящей работе. Автор выражает благодарность своим коллегам, сотрудникам Музея археологии и этнографии СВФУ, директору Л. Л. Алексеевой, зам. директора А. Д. Степановой, главному хранителю Э. К. Жирковой, сотруднику сектора

археологии ИГиИПМНС СО РАН, канд. ист. наук В. М. Дьяконову, старшему преподавателю кафедры истории России СВФУ А. Н. Прокопьевой за полезные замечания, правки и обсуждение данной работы.

Источники

Кирьянов Н. С. Отчет о проведении археологических исследований на территории Верхоянского района Республики Саха (Якутия) в 2010 г. (рукопись) / Н. С. Кирьянов. – Якутск, 2011. – Научно-отраслевой архив ИА РАН, Р-1, № 44432. – 220 с.

Crubézy E. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2008 (Rapport) / E. Crubézy. – Toulouse : Université Paul Sabatier (Toulouse III), FRE 2960 du CNRS, 2008. – 138 p.

Crubézy E. MAFSO – HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2010 (Rapport) / E. Crubézy. – Toulouse: Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS–FRE 2960 du CNRS, 2010. – 152 p.

Crubézy E. MAFSO – HUMAD. Human adaptation in Verkoyansk. Mission Archéologique Française en Sibérie Orientale – 2011 (Rapport) / E. Crubézy – Toulouse: Université Paul Sabatier (Toulouse III), Laboratoire AMIS – UMR 5288 du CNRS, 2011 – 150 p.

Список литературы

Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (XV–XVII – середина XIX в.). Т. 2 : Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX вв. / Г. П. Башарин – М. : Арт-Флекс, 2003. – 520 с.

Бравина Р. И. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.) / Р. И. Бравина, В. В. Попов. – Новосибирск : Наука, 2008. – 296 с.

Бравина Р. И. Внутримогильные конструкции якутских погребений XV–XIX вв. / Р. И. Бравина // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Междунар. науч. конф. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2011. – Вып. 2. – С. 416–422.

Бравина Р. И. Погребальные памятники якутов Верхоянья (XVII–XVIII вв.) / Р. И. Бравина // Сев.-Вост. гуманит. вестн. – 2013. – №1(6). – С. 5–9.

Бравина Р. И. Раннеякутские средневековые погребения XIV–XVII вв.: совокупность отличительных признаков / Р. И. Бравина, В. М. Дьяконов // Сев.-Вост. гуманит. вестн. – 2015. – №3(12). – С. 27–32.

Гаврильева Р. С. Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века / Р. С. Гаврильева. – Новосибирск : Наука, 1998. – 144 с.

Генетическая история народов Якутии и наследственно обусловленные болезни / ред. С. А. Федорова, Э. К. Хуснутдинова. – Новосибирск : Наука, 2015. – 328 с.

Гоголев А. И. Историческая этнография якутов / А. И. Гоголев. – Якутск : ЯГУ, 1980. – 108 с.

Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры / А. И. Гоголев. – Якутск : ЯГУ, 1993. – 200 с.

Дьяконова В. П. Старинные якутские шейные украшения / В. П. Дьяконова // Сборник Музея антропологии и этнографии. – 1958. – Т. 18. – С. 179–186.

Задонина Н. В. Хронология природных и социальных феноменов в Сибири и Монголии / Н. В. Задонина, К. Г. Леви. – Иркутск : ИГУ, 2008. – 759 с.

Казарян П. Л. История Верхоянска / П. Л. Казарян. – Якутск : СО РАН, 2003. – 206 с.

Кирьянов Н. С. Памятник Лепсей II в Верхоянском районе РС(Я) и фольклорные материалы И. А. Худякова / Н. С. Кирьянов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 3(12). – С. 32–38.

Кирьянов Н. С. Мультикультурность в погребальном комплексе традиционных народов Северо-Восточной Якутии в XIX веке (на примере памятника Омук Унуога в

Оймьяконском районе) / Н. С. Кирьянов // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск : СФУ, 2016. – Т. 2. – С. 173–181.

Ковалик С. Ф. Верхоянские якуты и их экономическое положение // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, под ред. Я. П. Пройна / С. Ф. Ковалик. – Иркутск : Типолитография Н. Н. Макушина, 1895. – Т. 25, № 4–5. – С. 1–52.

Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII века: (по материалам погребений) / И. В. Константинов. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1971. – 212 с.

Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / ред. Эрик Крюбези, Анатолий Алексеев. – Якутск : Издат. дом СВФУ, 2012. – 226 с.

Москвина С. В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая / С. В. Москвина // Гуманит. науки в Сибири. – 2013. – № 3. – С. 83–86.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура / В. С. Николаев. – Владивосток ; Иркутск : Ин-т географии СО РАН, 2004. – 306 с.

Носов М. М. Одежда и украшения якутов XVII–XX вв. / М. М. Носов – Якутск : Студия «ТТЛ», ЯНЦ СО РАН, 2010. – 96 с.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка / Э. К. Пекарский – М. : АН СССР, 1959. – 4658 стлб.

Попов В. В. Захоронения животных в обрядовой практике саха-якутов XV–XX вв. / В. В. Попов, В. С. Николаев // Изв. Лаб. древних технологий. – 2008. – № 6. – С. 194–212.

По серебряным следам. Туркменские серебряные украшения XIX – начало XX вв. (фотоальбом) [Электронный ресурс] / Н. Шабунц, И. Мехти, Р. Тухбатуллин, Ф. Тухбатуллин // Туркменская Инициатива по Правам Человека. Prince Claus Fund for Culture and Development, 2016. – URL: www.turkmentorg.ru/data/documents/along_silver_tracks_album_of_turkmen_jewelry.pdf (дата обращения: 03.02.2017).

Прокопьева А. Н. Украшения эпохи позднего средневековья Якутии (по материалам могильника Ат-Дабаан) / А. Н. Прокопьева, К. М. Яковлева // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Красноярск : СФУ, 2016. – Т. 2. – С. 186–191.

Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX – начало XX века / А. И. Саввинов. – Новосибирск : Наука, 2001. – 172 с.

Савинов Д. Г. Археологические материалы о южном компоненте в культуругенезе якутов / Д. Г. Савинов // Сев.-Вост. гуманит. вестн. – 2013. – № 2(7). – С. 59–72.

Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX века / Ф. Г. Сафронов. – М. : Наука, 1980. – 144 с.

Серошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования / В. Л. Серошевский. – М. : РОССПЭН, 1993. – 714 с.

Слепцов П. А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) / П. А. Слепцов. – Якутск : Якут. кн. изд-во, 1989. – 162 с.

Степанов Б. А. Материаловедение (деревообработка) / Б. А. Степанов. – М. : Академия, 2007. – 80 с.

Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. / С. А. Токарев. – Якутск : Якут. гос. изд-во, 1945. – 416 с.

Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа / И. А. Худяков. – Л. : Наука, 1969. – 439 с.

Яковлева К. М. Классификация украшений народов алтайской культурной общности (на материале народов Сибири конца XIX – начала XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук / К. М. Яковлева. – Якутск, 2011.

Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. – М. : Наука, 2013. – 599 с.

The ancient Yakuts: a population genetic enigma / C. Keyser, C. Hollard, A. Gonzalez, J.-L. Fausser, E. Rivals, A. N. Alexeev, A. Riberon, E. Crubézy, B. Ludes // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2015. – Vol. 370 (1660). – P. 1–9. doi: 10.1098/rstb.2013.0385.

The genetics of kinship in remote human groups / V. Zvenigorosky, E. Crubézy, M. Gibert, C. Thèves, C. Hollard, A. Gonzalez, S. A. Fedorova, A. N. Alexeev, R. I. Bravina, B. Ludes, C. Keyser // *Forensic Science International: Genetics*. – 2016. – Vol. 25. – P. 52–62. doi: 10.1016/j.fsigen.2016.07.018.

The Yakuts Paired Burials in the 18–19th Centuries: Based on the Materials of Yaryylaakh and Tysagastaakh Monuments (Verkhoyansk District of Yakutia)

N. S. Kiriyanov

*M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Altai State University*

Abstract. To date, the double and group (3 or more people) burials of the Yakuts of the 18–19th centuries make the least amount of the total number of investigated monuments of that time. There are only 7 known double burials (co-location of two persons in one tomb or pit), 5 double tiered (where one person is buried in the grave, and the second – in the graveside construction, that is they are arranged in tiers) and 4 group burials. This article analyzes only paired burials, five of which were found in Central Yakutia, but the two monuments have attracted the most attention – Yaryylaakh (joint burial of a young girl and a teenage boy, the siblings) and Tysagastaakh (a 4–5 years old child and a woman, who are not related to each other), found in 2010 and 2012 in Verkhoyansk district by Sakha-French archaeological expedition (MAFSO) led by E. Crubézy and A. N. Alekseev. Representative material complex of these objects in comparison with similar monuments in Central Yakutia enable to reconstruct the rite of paired burying more specifically and draw conclusions about its origins. Based on the available data we can conclude that this ritual is unusual for traditional burial practices of the Yakuts of that time and is associated primarily with some extraordinary circumstances or mass disasters (epidemics, hunger and disease). Shared the tragic fate prevailed over tribal or family tradition that could be expressed in the burial in one coffin unrelated to each other people. This fact is evidenced by the preservation at the time of committing the burial of Patriarchal or maternal lineage, which represented a group of related families united exogamous ban to the ninth knee, i.e. had a common ancestor. Despite the fact that in the 18–19th centuries leading position in the society began to take forming small family and contacts with distant relatives was kept to a minimum, the full exclusion still hasn't happened yet. The look of feminine garments and jewelry talking about middle class of these people. However, these items are completely similar to the products from Central Yakutia and do not have significant differences. Special attention is paid to the work of two female jewelry decoration from the tombs – «kyabaka simekhe» and the necklace (looping torque). According to materials, their shape appeared, probably in the not too distant time (i.e. before the date of the entry of Yakutia into the Russian state), because their prototypes are not yet discovered during excavations of monuments of earlier eras. The presence of such things in the graves may indicate the commitment of the buried people to the traditional Yakut culture, despite their possible non-Yakut ethnicity.

Keywords. Yakutia, Yakuts, paired burials, looping torques, «kyabaka simekhe», Sakha-French archaeological expedition, MAFSO.

References

- Alekseev N. A., Romanova E. N., Sokolova Z. P. *Yakuty (Sakha) [The Yakuts (Sakha)]*. Moscow, Nauka Publ., 2013, 599 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. *Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii (XV–XVII – seredina XIX v.). Tom II – Agrarnyi krizis i agrarnoe dvizhenie v kontse XVIII – pervoi treti XIX vv. [The history of agrarian relations in Yakutia (the 15–17th – the middle of 19th centuries.). Vol. II: Agrarian crisis and agrarian movement in the late 18th – first third of 19th centuries]*. Moscow, Art-Flex Publ., 2003, 520 p. (In Russ.)
- Bravina R. I. Vnutrimogilnye konstruksii yakutskikh pogrebenii XV–XIX vv. [The intraburial constructions of the 15–19th centuries]. *Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoi Sibiri [Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2011, Vol. 2, pp. 416–422. (In Russ.)
- Bravina R. I. Pogrebalnye pamiatniki yakutov Verkhoyaniya (XVII–XVIII vv.) [Funerary monuments of the Yakuts of the Verkhoyansk region (the 17–18th centuries)]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [Northeast humanitarian bulletin]*. 2013, Vol. 1 (6), pp. 5–9. (In Russ.)
- Bravina R. I., Dyakonov V. M. Ranneyakutskie srednevekovye pogrebeniya XIV–XVII vv.: sovokupnost otlichitelnykh priznakov [The Early Yakut medieval burials of the 14–17th centuries: a collection of distinguishing features]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [Northeast humanitarian bulletin]*. 2015, Vol. 3 (12), pp. 27–32. (In Russ.)
- Bravina R. I., Popov V. V. *Pogrebalno-pominalnaya obryadnost yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.) [The Yakut funeral and memorial rites: monuments and traditions (the 15th–19th centuries)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2008, 296 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Starinnye yakutskie sheinye ukrasheniya [Old Yakuts neck ornaments]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of anthropology and ethnography]*. 1958, Vol. 18, pp. 179–186. (In Russ.)
- Fedorova S. A., Khusnutdinova E. K. (Eds.) *Geneticheskaya istoriya narodov Yakutii i nasledstvenno-obuslovlennyye bolezni [The genetic history of the peoples of Yakutia and genetically caused diseases]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 2015, 328 p. (In Russ.)
- Gavrilieva R. S. *Odezhda naroda sakha kontsa XVII – serediny XVIII veka. [The costumes of the Sakha people of the late 17th – the middle of 18th centuries]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, 168 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. *Istoricheskaya etnografiya yakutov [The historical ethnography of the Yakuts]*. Yakutsk, YaSU Publ., 1980, 108 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. *Yakuty (problemy etnogeneza i formirovaniya kultury) [The Yakuts (problems of culture formation and ethnogenesis)]*. Yakutsk, YaSU Publ., 1993, 200 p. (In Russ.)
- Kazaryan P. L. *Istoriya Verkhoyanska [The history of Verkhoyansk]*. Yakutsk, SB RAS Publ., 2003, 206 p. (In Russ.)
- Kiriyanov N. S. Pamyatnik Lepsei II v Verkhoyanskom raione RS(Ya) i folklornyye materialy I. A. Khudyakova [The Lepsei 2 Monument in Verkhoyansk region of the Republic of Sakha (Yakutia) and folklore material's by I. A. Khudyakov]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [Northeast humanitarian bulletin]*. 2015, Vol. 3 (12), pp. 32–36. (In Russ.)
- Kiryyanov N. S. Multikulturnost v pogrebalnom komplekse traditsionnykh narodov Severo-Vostochnoi Yakutii v XIX veke (na primere pamyatnika Omuk Unuoga v Oimyakonskom raione) [Multiculturalism in the funerary complex of traditional peoples of the Northeastern Yakutia in the 19th century (case study of the Omuk Unuoga monument in Oimyakon district)]. *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China: Proceedings of the 7th International Scientific Conference, in 2 volumes]*. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2016, Vol. 2, pp. 173–181. (In Russ.)

Konstantinov I. V. *Materialnaya kultura yakutov XVIII veka (po materialam pogrebenii)* [The material culture of the Yakuts in the 18th century (based on burials data)]. Yakutsk, Yakutsk Publishing House, 1971, 214 p. (In Russ.)

Kovalik S. F. Verkhoyanskies yakuty i ikh ekonomicheskoe polozhenie // [The Yakuts of the Verkhoyansk region and their economic situation]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, pod red. Ya. P. Proina* [Proceedings of the East-Siberian department of the Imperial Russian Geographical Society, ed. by I. P. Proin]. Irkutsk, Typolithography of N. N. Makushina, 1895, Vol. 25, Is. 4–5, pp. 1–52. (In Russ.)

Kryubezi E., Alekseev A. (Eds.) *Mir drevnikh yakutov: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy (po materialam sakha-frantsuzskoi arkheologicheskoi ekspeditsii)* [The world of the ancient Yakuts: Experience of Interdisciplinary studies (based on the Sakha-French archaeological expedition data)]. Yakutsk, NEFU Publishing House, 2012, 226 p. (In Russ.)

Khudyakov I. A. *Kratkoe opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [A short description of the Verkhoyansk district]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 439 p. (In Russ.)

Moskvina S. V. Statusnyi simvolizm traditsionnykh zhenskikh ukrashenii tyurkskikh narodov Sayano-Altaya [The status symbolism of traditional female ornaments of the Sayan-Altai Turkic peoples]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanity Science in Siberia]. 2013, Vol. 3, pp. 83–86. (In Russ.)

Nikolaev V. S. *Pogrebalnye komplekсы kochevnikov yuga Srednei Sibiri v XII–XIV vekakh. Ust-Talkinskaya kultura* [The funerary constructions of the nomads of the south of the Central Siberia in the 12th–14th centuries. Ust-Talkinskaya culture]. Vladivostok, Irkutsk, Institute of Geography SB RAS, 2004, 306 p. (In Russ.)

Nosov M. M. *Odezhda i ukrasheniya yakutov XVII–XX vv.* [The Yakut clothing and jewelry in the 17–20th centuries]. Yakutsk, Studio “TTL”, YaSC SB RAS Publ., 2010, 96 p. (In Russ.)

Pekarskii E. K. *Slovar yakutskogo yazyka* [Yakut dictionary]. Moscow, AS USSR, Vol. 1–3, 4658 columns. (In Russ.)

Popov V. V., Nikolaev V. S. Zakhroneniya zhivotnykh v obryadovoi praktike sakha-yakutov XV–XX vv. [Animal burials in ritual practice of the Sakha-Yakuts of the 15–20th centuries]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* [Reports of the Laboratory of Ancient Technologies]. 2008, Vol. 6, pp. 194–212. (In Russ.)

Prokopeneva A. N., Yakovleva K. M. Ukrasheniya epokhi pozdnego srednevekoviya Yakutii (po materialam mogilnika At-Dabaan) [Jewelry of the late medieval Yakutia (based on At-Dabaan burial findings)]. *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya* [Ancient cultures of Mongolia, Baikal Siberia and Northern China]. Krasnoyarsk, SFU Publ., 2016, Vol. 2, pp. 186–191. (In Russ.)

Safronov F. G. *Russkie promysly i torgi na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX veka* [Russian crafts and trades in Northeastern Asia in the 17th – mid. 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 144 p. (In Russ.)

Savinov D. G. Arkheologicheskie materialy o yuzhnom komponente v kulturogeneze yakutov [The archaeological materials of the southern component in the genesis of Yakut culture]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [Northeast humanitarian herald]. 2013, Vol. 2 (7), pp. 59–72. (In Russ.)

Savinov A. I. *Traditsionnye metallicheskie ukrasheniya yakutov XIX – nachalo XX veka: (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [The traditional metallic products of Yakuts: the 19 – early 20th centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001, 172 p. (In Russ.)

Seroshevskii V. L. *Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [The Yakuts. Experience of ethnographic research]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1993, 714 p. (In Russ.)

Sleptsov P. A. *Traditsionnaya semiya i obryadnost u yakutov (XIX – nachalo XX v.)* [The traditional family and rituals of the Yakuts (the 19 – early 20th century)]. Yakutsk, Yakutsk State Publ., 1989, 62 p. (In Russ.)

Stepanov B. A. *Materialovedenie (derevoobrabotka) [Materials science (woodworking)]*. Moscow, Akademiya Publ., 2007, 80 p. (In Russ.)

Shabunts N., Mekhti I., Tukhbatullin R., Tukhbatullin F. Po serebryanym sledam. Turkmenkie serebryanye ukrasheniya XIX – nachalo XX vv. (fotoalbum) [Along silver tracks. Turkmen silver ornaments of 19 – early 20th centuries (photo album)]. *Turkmenskaya Initsiativa po Pravam Cheloveka. Prince Claus Fund for Culture and Development [The Turkmen Initiative for Human Rights. Prince Claus Fund for Culture and Development]*. Available at: www.turkmentorg.ru/data/documents/along_silver_tracks_album_of_turkmen_jewelry.pdf (03.02.2017 г.). 66 p. (In Russ.)

Tokarev S. A. *Obshchestvennyi stroi yakutov XVII-XVIII vv. [The social system of Yakuts of the 17–18th centuries]*. Yakutsk, Yakutsk State Publ., 1945, 416 p. (In Russ.)

Zadonina N. V., Levi K. G. *Khronologiya prirodnykh i sotsialnykh fenomenov v Sibiri i Mongolii [The chronology of natural and social phenomena in Siberia and Mongolia]*. Irkutsk, ISU Publ., 2008, 759 p. (In Russ.)

Yakovleva K. M. *Klassifikatsiya ukrashenii narodov altaiskoi kulturnoi obshchnosti (na materiale narodov Sibiri kontsa XIX - nachala XX vv.): diss. ... kand. ist. nauk [The classification of jewelry of the peoples of Altai cultural community (case of the peoples of Siberia in the late 19 – early 20th centuries.): Cand. histor. sci. diss.]*. Yakutsk, 2011. 201 p. (In Russ.)

Кирьянов Николай Сергеевич

ведущий методист, Музей археологии и этнографии; Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова; Россия, 677016, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 48
соискатель; Алтайский государственный университет; Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
e-mail: ns_kiryanov@bk.ru

Kiryayov Nikolai Sergeevich

Leading Methodist, Museum of the Archaeology and Ethnography; Ammosov North-Eastern Federal University; 48, Kulakovsky st., Yakutsk, Saha Republic (Yakutia), 677016, Russia
Postgraduate; Altai State University; 61, Lenin av., Barnaul, 656049, Russia
e-mail: ns_kiryanov@bk.ru